

Предисловие

Вот уже несколько лет меня, как и многих других моих коллег-психоаналитиков, регулярно, часто по несколько раз за неделю, просят высказать мнение или дать совет — за час, а то и минуту — по вопросам, о которых я никогда не думала. Я всегда отказываюсь. Дело не только в том, что я не могу справиться со своей неспособностью говорить о том, чего не знаю, но и в том, что «специалисты по детству», или считающиеся таковыми, заняли в медиа такое место, которое трудно переоценить. Согласны мы с этим или недовольны этим, неважно — все равно мы ответственны.

Во времена Фрейда к психоаналитику обращались только действительно страдающие люди, и он отвечал им, предлагая строгий протокол индивидуального лечения. Аналитики вели горячие споры об открытиях, совершаемых в их кабинетах, и никто из них, если не считать самого Фрейда, не мог говорить от лица психоанализа как такового. Сегодня же все наше страдающее общество в целом задает психоаналитикам самые разные вопросы при помощи средств массовой информации. Это излияние психологической и психоаналитической речи на публичную сцену благосклонно встречается широкой аудиторией, ищущей ценности, но также нормы.

Но когда Лор Адлер, гендиректор *France Culture*, предложила мне вести еженедельную передачу, я сразу же со-

гласилась. Этот формат позволил мне свободно говорить обо всем, что я знала, при минимуме времени на размышления, даже допуская возможность противоречить самой себе. Это стало поводом показать то, что у аналитического опыта есть свои пределы, и что, хотя он не помогает отделить добро ото зла или справедливость от несправедливости, он по-прежнему незаменим, если нужно понять не то, что скрывает человек, а то, что он в самом себе не знает.

Психоанализ часто критикуют, когда используют его в слишком общих целях, в частности, для предписания, диктата норм. Однако, если дать ему возможность играть его собственную роль, он не утратит своего значения. Ведь он больше подходит для вопросов, чем для ответов, и он всегда стремится преодолеть видимость. Все может послужить ему пищей, поскольку частная жизнь вписывается в общество, историю и культуру, которые, в свою очередь, влияют на нее. Но у него есть одно ограничение — психоаналитик, поскольку он является для себя своим собственным рабочим инструментом. Когда же его начинают допрашивать медиа, им никогда не интересно то, что он делает в своем кабинете, они просто требуют, чтобы он, поскольку он считается ученым, высказывал свои мнения в социальной сфере.

Можно ли провести различие между одним аналитиком, который готов оправдывать собственные склонности, прикрываясь той психоанализа как такового, и другим, который говорит лишь на основе своего аналитического опыта, всегда неизбежно уникального? Провести такое различие вряд ли получится, и этим объясняется то, что психоаналитики высказывают самые разные, расходящиеся друг с другом, мнения.

Более серьезными представляются случаи, которые также нельзя исключать, когда наши публично высказанные мнения проникли бы в наши кабинеты, где мы бы стали

злоупотреблять ими в работе с пациентами, или наоборот, пациенты сами попробовали бы злоупотребить ими: психоаналитику опасно становиться известным и выходить на публику, даже если от этого не умирают. Последствия такой публичности являются не социальными, а профессиональными.

Я решила опубликовать эти передачи потому, что их темы полностью соответствуют моей профессиональной практике и моим непрофессиональным интересам, моим увлечениям и моим приступам гнева. Я, насколько это возможно, беру на себя ответственность за последствия, поскольку работаю почти исключительно с людьми, которые не слушают *France Culture* и никогда не слышали ни о Фрейде, ни о Франсуазе Дольто. В их обществе я возвращаюсь к анонимности, столь важной для того, чтобы практиковать анализ, не слишком себя стесняя.

В полной свободе.

Дети

Частные объявления в *Le Monde*

В ежедневных газетах я обычно не пропускаю раздел частных объявлений. Семьи или друзья дают объявления о «знаковых» событиях: рождениях, свадьбах, кончинах, годовщинах. Я пытаюсь найти имена людей, которые мне близко или хотя бы косвенно знакомы. Так я узнаю, что у них произошло что-то хорошее или плохое. Но также я подробно читаю и объявления незнакомых мне людей, и они наводят меня на разные размышления. Часто я замечаю, что, начав с объявления, в котором полно имен собственных, я придумываю себе целую историю. Я внутренне соперничаю, когда чей-то ребенок умирает от болезни или от несчастного случая. Прочтя про рождение четвертой дочери в чьей-то семье, упрямо твержу себе, что родители, должно быть, были разочарованы.

Если же говорить серьезно, раздел частных объявлений отражает то, как современные семьи, которые читают такие газеты, заявляют о важных и значимых для себя событиях. То есть это уже само по себе сюжет для передачи под названием «Семья во всех ее состояниях».

О рождениях говорить проще, чем о смертях. Что представляет собой объявление о рождении? Надо заявить всему миру — *Le Monde* [«Мир»] дает возможность для про-

стой, но частой игры слов, — о появлении на свет мальчика или девочки, называемых сыном или дочерью, появившихся в результате встречи мужчины и женщины, именуемых родителями, которые сами появились на свет в силу встречи мужчины и женщины, которые именуются бабушками и дедушками по отцовской и материнской линии. Нередко бывает так, что новорожденному предшествовали другие дети, именуемые братьями и сестрами. Начнем с них. Я всегда немного улыбаюсь, когда читаю: Жан или Элоди «с удовольствием сообщают о появлении на свет» Зои или Патрика, если только родители не «оставят Нилу радостную возможность» сообщить о рождении его сестры Рашель. Конечно, я бы очень удивилась, если бы прочитала: Марк с неудовольствием сообщает о появлении на свет своей сестры Жюли. Хотя я недавно читала объявление, в котором обнаруживается небольшая прореха в этом коде, требующем вытеснения всякой амбивалентности: «Лоран и Виктуар крайне заинтригованы рождением своей сестры Полины». Вот пример родителей, для которых социальный кодекс перестает действовать, когда лицемерие граничит с ложью.

Во многих объявлениях старшие дети и родители ставятся на одну и ту же поколенческую доску, например, когда Жанна, Пьер и Мари — без фамилии — с радостью сообщают о рождении Филиппа. Скорее всего, хотя это и не наверняка, место старшего ребенка (Жанны или Мари?) не вполне четко определено по отношению к отцу/мужу.

Когда же объявление дают дедушки и бабушки, можно вообразить самые разные семейные сложности и дискуссии, которыми сопровождается согласование конечного текста. Очень редко присутствуют все четверо, разве что в тех случаях, когда они отводят себе главную роль, отодвигая родителей на задний план. Например: «Мари-Поль и Рэймон Ж., Даниэль и Жан-Пьер Л. с радостью сообща-

ют о рождении своего внука Фабио, сына Жюдит и Эмманюэля» (без фамилии).

Когда мы читаем: «Жорж и Рафаэль Р., Ален и Мишель Р. вместе с детьми рады сообщить о рождении Тибо, Эли», не сразу можно понять, что первая пара — бабушка и дедушка по отцовской линии, а вторая — родители; что касается бабушки и дедушки с материнской линии, они в тексте отсутствуют.

В частных объявлениях *Figaro*, кажущихся едва ли не официальным учреждением, в котором истории семьи отслеживаются от и до, начиная с помолвок и заканчивая бриллиантовыми свадьбами, не прочтешь объявления вроде: «Жасмин и Мари М. с огромной радостью сообщают о рождении Лили». Получается, что Лили была рождена двумя женщинами? Может быть, она сестра Жасмин и Мари? Или она удочерена Мари, которая живет с Жасмин? Конечно, эти вопросы так и останутся без ответа. Каждый может понимать их как хочет. Или еще более странное объявление: «Дорис де Б., Ян и Сью счастливы принять своего сына и внучатого племянника Мэтью». Порядок поколений обозначен, однако можно считать по крайней мере необычным то, что двоюродный дедушка и двоюродная бабушка занимают место отца, который в объявлении не фигурирует. Но здесь по крайней мере можно установить хоть какой-то порядок поколений, в отличие от веницы имен, вроде бы кузенов, которые объявляют о появлении на свет еще одного кузена. Или так: «Квентин нас приятно удивил, показав свой нос 29 июля 2002 г. в 1 час 20 минут, к огромной радости своих двоюродных братьев Кевина и Николая, а также всей семьи». Следует ли тут представить себе крайнюю сложность вертикального порядка поколений, рассмотреть вариант, когда дети растут как грибы, или же учесть тот факт, что Кевин и Николая сыграли, возможно, какую-то роль в зачатии Квентина?

Сегодня существует возможность отбирать эмбрионы так, чтобы рождающиеся дети позволили излечить серьезное заболевание своего брата или сестры. Некоторые, презрев родительские доводы, считают необходимым бунтовать против этой практики, получившей название «ребенка-лекарства». Но разве у большинства детей нет какого-то предназначения? О нем не всегда говорят, но бывают и исключения: «Наша будущая пианистка Селия А. родилась 26 июня 2002 г.» — сказано в объявлении. Хорошей карьеры Селии!

Когда ребенку дают имя Аполлонии или Антигоны, и если он родился 14 июля, трудно представить, что ребенку не обещана великая судьба...

Вы не верите в фей, а зря: «Захари, родившаяся 1 июля 2002 г. Приветствуем тебя с радостью в нашем теплом мире. Подпись: феи Гуена и Мари».

Объявления о годовщинах и кончинах призваны напомнить о том, что о людях не забыли. Одно из таких объявлений поразило меня: «26 июля 2001 г. мой отец Бартоломе М. воссоединился с моим братом Жаном-Габриэлем, умершим 18 апреля 1973 г., моей сестрой Маргерит, умершей 18 июня 1984 г., моей мамой Жизель Ж., умершей 8 марта 2001 г., моей сестрой Мари-Жан, умершей 22 июня 2001 г.». Подпись: Антуанетт М.С.

Без комментариев, единственное — у меня промелькнула тяжелая мысль о том, что эта женщина посчитала важным сообщить о том, сколько раз ей пришлось скорбеть в своей жизни.

Из колыбели на кушетку

Чем вы занимаетесь с детьми? — часто спрашивают меня.

— Я говорю с ними.

— И это и есть психоанализ?

Такой вопрос может быть по своему тону любопытствующим, насмешливым или же злобным.

Чтобы никого не шокировать, я отвечаю, что страдающих детей психоаналитик может «выслушать», а иногда и понять.

От чего страдает грудной ребенок? От чего-то такого, что касается лично его или его родителей. От более или менее заметного расхождения между своими восприятиями, которые можно считать «истинными», и той осознанно или неосознанно навязываемой ему «неправдой», которая возникает, когда ему хотят рассказать о его происхождении или расставаниях, которые не обсуждались.

Это относится к некоторым детям, которые были усыновлены, но от них скрывается не сам факт усыновления, а некоторые его обстоятельства. Но то же самое относится и к детям, от которых скрывают уход, тюремное заключение или же смерть родителя или же человека, важного для матери, отца или ребенка. В наименее тяжелом случае неожиданная, происходящая без единого слова, смена няни — один из важных источников симптомов, генезис которых остается для родителей неясным.

Как выражается страдание такого рода? Ребенок, который пока еще не научился языку, все равно живет, как и все люди, в символическом мире, то есть в мире, где говорят. Символическая деятельность ребенка выражается в его телесных функциях, действующих с самого рождения и не требующих научения, таких как сон, дыхание, переваривание пищи и сенсорное восприятие. Наиболее частые симптомы — расстройства сна, пищеварения (рвота, диарея, колики), дыхания (бронхиты), наконец, частые ангины и отиты, поражения кожи. Когда же при помощи родителей мы объясняем ребенку, разговаривая с ним, смысл телесных расстройств, которые у него проявляются (что, конечно, не исключает в случае необходимости медицинского лечения), они часто уменьшаются. Не существует стандартного объяснения этих расстройств, тесно связанных с историей каждой конкретной семьи. Словно бы язык, живая речь, был своего рода «организатором», способным расставить по местам, изменить или же сместить условия функционирования биологического тела и психики. Психоанализ взрослых наводит на мысль о том, что целесообразно анализировать страдания в раннем возрасте, прежде чем расстройства станут постоянными.

Часто говорят, что дети «все знают» и в то же время «ничего не понимают». И то, и другое верно: младенец все воспринимает. Но чтобы понять, ему нужно, чтобы взрослый назвал то, что он воспринимает. В этом, кстати, заключается существенная разница между человеческим ребенком и детенышем животного, который может осмысливать своё восприятие без языка.

Дети переживают страдание, несправедливость, непонимание, а иногда болезнь и смерть в разных формах и в разной степени, и психоаналитик не может помочь им в самой реальности. Работая с маленькими детьми, психоаналитик не заменяет собой родителей; он не утешает,

не меняет саму реальность, какой бы болезненной она ни была, не дает советов по воспитанию. Однако отношения с аналитиком позволяют вернуться к эмоциям, испытанным в момент события или в ответ на важные слова. Эти эмоции вызывают симптомы, от которых ребенок сможет отказаться, чтобы превратить их в воспоминания о минувшем прошлом. Часто забывают о том, что психоанализ нужен для того, чтобы забыть.

Психоаналитик, работающий с маленькими детьми, должен рассматривать каждого ребенка в качестве совершенно отдельного, самостоятельного человека, способного быть независимым в своем желании задолго до того, как такая независимость станет возможной в реальности. Отсутствие опыта и неспособность говорить не обрекают его на небытие. Психоаналитик, способный убедить и донести слово, — посредник в символической функции, без которой жизнь не была бы человеческой.

Сон

Правда ли, что дети стали хуже спать, чем раньше, или родители просто стали больше консультироваться? Сложно сказать. Но когда ребенок неделями или месяцами просыпается по несколько раз за ночь, родителям пора проконсультироваться у терапевта, ведь они, по их собственным словам, «все испробовали».

Речь о действительно неотложной ситуации, особенно с точки зрения измученных родителей, поскольку сам ребенок, имеющий возможность поспать днем, редко страдает от недостатка сна.

У такой ситуации бывают разные причины, и именно этим интересна наша профессия. Первая и часто единственная консультация обычно оказывается очень длинной. Задача в том, чтобы понять не то, почему ребенок досаждал родителям тем, что постоянно их будит, а то, почему или ради кого он считает себя обязанным просыпаться, хотя мог бы спокойно спать. Какой вопрос задает он себе в такой форме? Все зависит от конкретной семьи и конкретного ребенка. Однако наиболее частые причины связаны с двумя темами — няней и страхом внезапной детской смерти.

Няни меняются, а дети остаются. В принципе, родители доверяют своего ребенка тому, кому они доверяют сами. А потом они по какой-то причине утрачивают доверие, меняют няню, если только решение об уходе не принимает

она сама. С точки зрения ребенка, этот разрыв связи обязательно будет серьезным, если объяснить ему реальную причину, даже если он очень маленький. В противном случае он будет чувствовать ответственность за этот разрыв; расстройство сна в таком случае становится достаточно тревожной проблемой, поскольку оно связано с чувством покинутости. Проблема требует ответа, который должен быть четко сформулирован, какова бы ни была причина разрыва.

Другая часто встречающаяся ситуация: родители целый год или даже два прекрасно справляются с частыми ночными пробуждениями ребенка. Но потом им становится тяжело, и они приходят на консультацию. О чем тут речь? О родителях, которые, даже не формулируя эту мысль в явном виде, больше всего на свете боятся внезапной детской смерти (случаев которой стало намного меньше с тех пор, как детей стали укладывать спать на спине). Такие родители держат в уме возраст, на самом деле достаточно разный, по достижению которого страхи ослабевают. Ребенок в течение года и более сам просыпался по тридцать шесть раз за ночь, чтобы успокоить их и показать, что он жив, и вот его вдруг в этом упрекают! Родители забыли предупредить его о том, что наконец успокоились и что теперь все могут спать спокойно. Они редко осознают эти страхи, еще реже могут себе представить, что ребенок озабочен тем, чтобы их успокоить.

Если говорить о более взрослых детях, обратим внимание на тех пытливых детей, которые желают знать, что происходит в комнате родителей, когда там нет детей¹. Им нужно объяснять словами, но не укладывать в родительскую кровать. Большинство родителей знают, что детям нежелательно спать вместе с ними в одной постели. Но большинство это все же допускают, не особенно скрывая.

1 См. далее «В одной кровати».

Они рассказывают нам об этом, изображая из себя непокорных детей — с раскаянием или воодушевлением. В действительности, они не вполне готовы отказаться от своего собственного удовольствия, которое им доставляло единение тел в первые месяцы жизни ребёнка, и вызвать у него неудовольствие, изгнав его из кровати.

Вот уже несколько лет я принимаю все больше детей в возрасте от семи до пятнадцати лет, у которых наблюдаются реальные расстройства сна, которые, однако, не тревожат их родителей. Такие дети засыпают очень поздно, просыпаются ночью, им сложно снова заснуть или проснуться рано утром. Они не всегда жалуются на это, и, опрашивая их, часто замечаешь, что на консультацию они пришли по совершенно иной причине. Такая ситуация может длиться месяцами.

В таком возрасте редко можно найти точную причину. Однако беседы с ребенком обо всем, что его тревожит, часто улучшают сон, порой только на время, но иногда и надолго. Как и большинство других симптомов у детей, расстройство сна — это вопрос или множество вопросов, которые не находят выхода в словах. Лекарства, конечно, усыпляют, но они усыпляют и любопытство, за которое вовсе не следует отрывать нос, как любопытной Варваре.

Если же ваш ребенок, независимо от того, хорошо он спит или нет, задаёт себе вопросы именно о сне, а ведь мы тратим на сон треть жизни, я рекомендую вам почитать книгу «Да здравствует сон!»². Преимущество этой книги в том, что в ней изложены все аспекты сна — научные, аффективные и бессознательные. Дело в том, что можно научиться лучше спать, прислушиваясь к сигналам своего тела, не боясь спать и уважая сон другого.

2 Catherine Dolto, Jeannette Bouton, *Vive le sommeil*, Hatier, 1987.

Тайна красных ягодиц

Я очень удивлялась, когда ко мне на консультацию приводили младенцев, единственным симптомом которых были красные ягодицы! Такую ягодичную эритему мне описывали как ожог второй или даже третьей степени. Сначала я просто не понимала, как ягодичная эритема может быть поводом для консультации у психоаналитика. Не зная, что собственно делать с этим симптомом, с которым в педиатрии сталкиваются очень часто, я решила отложить его на время в сторону и заняться ребенком и его историей. В первый раз это был ребенок, родившийся в анонимных родах^{3*}, которого мать после рождения не смогла увидеть и который ждал завершения юридически регламентированного срока отказа матери от прав, в те времена составлявшего три месяца. Располагая теми сведениями, которые мне предоставили, я просто набросала для ребенка его общую историю, насколько она была мне известна, даже не упоминая о его симптоме, поскольку совершенно не знала, что о нем сказать. К моему великому изумлению, ягодичная эритема, казавшаяся столь серьезной, прошла в рекордно короткие сроки. Даже если этот «триумф психоанализа» мало кого убедит, как не убеждает он и меня саму,

3* Имеются в виду так называемые «Accouchement sous le secret», «секретные роды», узаконенная в некоторых странах практика, благодаря которой мать может родить ребенка в государственном роддоме, не раскрывая своей идентичности. — Прим. перев.

легко понять, почему теперь, когда у какого-то ребенка находили особенно серьезную язгодичную эритему, меня просили его проконсультировать. Я, таким образом, смогла собрать разные наблюдения и задаться вопросом о том, нет ли в них общих черт, и они в самом деле обнаружались.

Такие дети либо были рождены в условиях анонимности, либо от них отказались, просто оставив некоторых из них в общественном месте. Но не у всех детей, помещенных в ясли, обнаруживалась такая язгодичная эритема. Еще одним необходимым фактором был тот, что был выявлен в случае детей, родившихся в анонимных родах: мать не смогла или не захотела *увидеть* ребенка перед тем, как расстаться с ним, либо ей помешали это сделать.

Как то, что мать не взглянула на ребёнка, может вызвать поражение кожи? Здесь трудно не вспомнить о греческой трагедии. В античной Греции материнское признание представляло собой, прежде всего, физическое опознание, тогда как социальное признание проходило исключительно по ведомству отца. Так вот, принцип трагедии — и особенно «Царя Эдипа» Софокла — состоит в конструировании ситуаций, в которых такое физическое опознание возможно, хотя сначала оно было представлено в качестве невозможного. Лай проколол и связал лодыжки Эдипу на глазах у Иокасты, прежде чем от него избавиться. У выросшего Эдипа сохранились характерные шрамы на лодыжках, которые должны были позволить Иокасте его опознать, но она его не узнает. Это один из механизмов этой трагедии.

Матери, которые рожают в условиях анонимности, или же бросают своего ребенка, не обратив на него признающего взгляда, навсегда лишаются возможности его опознать. Очевидно, чего-то они также лишают и ребенка, что выражается в поражении кожи.

Благодаря Катрин Дольто, специалисту по гаптономии, я научилась относиться к коже младенца как к слуховому органу, которым она как раз и является для зародыша: ви-

брации, передаваемые амниотической жидкостью, сталкиваются с этим покровом. Чтобы как-то в этом разобраться, я гипотетически отношу к одному и тому же плану все кожные поражения (включая отиты и экзему). Однако, если следовать моей логике, трудно понять, как отсутствие взгляда может оказывать воздействие, похожее на воздействие несказанных, неправильно понятых или же ложных слов. Я считаю, что в этой сфере не следует отказываться от помощи воображения. Поэтому я могу представить себе, что зародыш, слышащий голос матери, должен знать или предчувствовать, что, родившись, он услышит тот же голос (который сразу же сможет узнать) вместе с другими ощущениями — обонятельными, осязательными и зрительными. Похоже, что частичная или полная сенсорная депривация вызывает предчувствие покинутости. Подобное рассуждение может показаться недоказуемым или слишком магическим, особенно в силу телеморфизма (то есть наделения младенца чувствами). Но привилегией аналитика является то, что он выступает, как говорил Лакан, «практиком символической функции», а не целителем симптома.

До 1940 г. в госпитале Бретонно, где детская смертность была еще очень высокой, профессор Пишон заставил медсестер, не без сопротивления с их стороны, проводить с младенцами по пять минут в день — просто говорить с ними и баюкать. Уровень детской смертности в этом заведении заметно сократился. Сегодня нам известна связь между уровнем иммунной защиты и состоянием психики. «Словами человек может осчастливить своего ближнего или же увлечь его в пучину отчаяния, и точно так же словами учитель передает свое знание ученикам, оратор — воодушевляет своих слушателей, определяя их суждения и решения. Слова вызывают эмоции, являясь для людей общим средством влияния друг на друга», — пишет Фрейд во «Введении в психоанализ». Насколько мне известно, никто позднее не сказал об этом лучше.

В одной кровати

Наши дети и наши собаки: где они должны спать? Одна известная женщина-педиатр недавно в одной телепередаче порекомендовала родителям спать с детьми, чтобы у них было чувство, как она выразилась, безопасности, тогда как один ветеринар, выступая по телевидению, заявил, что собака должна спать одна в темноте, но главное не на кровати.

Что из этого можно вывести, если не считать того, что с ребенком и с собакой нельзя обращаться одинаково? И совсем другой вопрос — с кем обращаются лучше. В то же время можно признать, что советы эти отвечают реальным тревогам: разве родители и собственники животных — часто это одни и те же люди — не задаются тревожным вопросом о том, с кем им следует спать? Возможно, они доходят даже до вопроса о целях «кослипинга» (cosleeping, спать вместе), как его теперь называют в модных журналах. Я охотно признаю, что мои знания о животных довольно скромны. Также могу признаться, что несколько лет я спала в кровати с кошкой, поскольку не могла заставить ее понять, что это моя кровать, а не ее. Изящная абиссинка вела себя так, словно бы это она уступала мне свое место в своей корзине. Я могла бы запереть дверь и не пускать ее в комнату, но я не могу спать за закрытой дверью, я в таком случае, как сказала бы педиатр, не чувствую себя

в «безопасности». Но вернемся к нашим баранам, то есть к детям.

В этой области я бы поостереглась давать какие-либо советы. Многие поколения психологов категорически заявляли, что маленький и уж тем более немаленький ребёнок должен спать как собака, то есть один в своей комнате. Точно так же родители вот уже несколько поколений делают вид, что следуют этой здравой рекомендации. В действительности же ни одному иному совету не следовали меньше, о чем нам рассказывают многие родители — рассказывающиеся или, наоборот, ликующие. Бывает также, что кослипинг становится мотивом для консультации в медикопсихологическом центре, причем жалуется на него не обязательно тот, о ком можно подумать в первую очередь.

Те, кто запрещают спать вместе, не должны удивляться тому, что родители поступают по-своему: запрет всегда указывает на желание, которое нужно вытеснить, но оно, как и всякое другое желание, стремится осуществиться, независимо от того, законно оно или нет.

И хотя запрет на инцест является едва ли не всеобщим, запрет на сон в кровати родителей таковым не является, но при этом между ними существует связь, которая заслуживает прояснения. В нашей культуре — культуре страны богатой и развитой — «совместный сон» еще до открытия всего масштаба проблемы инцеста и педофилии стал казаться своего рода символом неразборчивости в связях между взрослыми и детьми, но при этом легко допускается, что братья спят с сестрами в одной комнате, и на то, что там происходит, смотрят сквозь пальцы.

Выступая с подобным запретом, некоторые психоаналитики или психологи опирались на свой индивидуальный клинический опыт, так или иначе его обобщая. Здесь, как и во многих других случаях, можно задаться вопросом о том, по-прежнему ли действенен такой подход. Дву-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru